

С О О Б Щ Е Н И Я

А. Г. ТРОФИМОВА

ОБРЯДЫ И ПРАЗДНЕСТВА ЛЕЗГИН, СВЯЗАННЫЕ С НАРОДНЫМ КАЛЕНДАРЕМ

Во время проведения полевых этнографических исследований южным отрядом Дагестанской экспедиции в 1946—1948 гг. мы неоднократно получали материалы по народному календарю лезгин. В 1948 г. преподаватель средней школы лезгинского селения Гиль Кусарского района Азербайджанской ССР М. Б. Шекинский передал нам запись этого календаря в соотношении его с христианским и мусульманским календарями.

Календарь основан на солнечном годе, терминология пристраивается к местному лезгинскому языку арабской графикой. Данную запись мы имели возможность дополнить другими сведениями, собранными нами в лезгинских селениях. До проведения у лезгин коллективизации сельского хозяйства народный календарь использовался в основном для регулирования сельскохозяйственных работ и включал цикл годовых праздников, носящих более или менее выраженный религиозный характер.

Весь сельскохозяйственный год делился по календарю на четыре периода: гатфар (весна), гад (лето), зул (осень) и кьуд (зима). Каждый из них состоял из трех месяцев и делился на шесть более мелких периодов, приблизительно по 15 дней (с 7 по 22 число одного месяца или с 22 числа одного месяца до 7 числа следующего).

Новый сельскохозяйственный год по календарю начинался со дня весеннего равноденствия — 22 марта. Этот день отмечали праздником «новруз» («новый день», по-персидски). Праздник был связан с иранским кругом религиозных верований (домусульманского и отчасти раннемусульманского времени). По одной из легенд, данный праздник справляли по случаю смерти в Иране жестокого шаха, ежегодно в этот день убивавшего людей. Особенно ярко он отмечался мусульманами-шиитами и считался у них самым большим годовым праздником. В дореволюционное время азербайджанцы из с. Сальяны, мусульмане-шииты по вероисповеданию, праздник «новруз» отмечали самым торжественным образом в течение трех дней¹.

У лезгин праздник назывался «яран-сувар» («яр», «яру», «яруди» — алый, красный; «сувар» — праздник) или «яран юг» (красный день), по-персидски «новруз байрам» (праздник нового дня). В этот праздник, в ночь на 22 марта, зажигали костры. Ночь эта называлась «ц'ийи йиф» (лезг. «новая ночь»). Задолго до этого срока дети собирали топливо (дрова, сухие ветви, траву, солому) для костров. О подсобных хлопотах детей у дагестанских горцев писал Н. Дубровин: перед ночью, начинающей весну, «с наступлением вечера, дети бегают по аулу, отыскивая бурьян и солому для образования костра»².

Новогодний огонь был общеквартальный или даже общесельский, и семейный. Каждый квартал и селение старались сделать свой костер больше, чем другие. Костры зажигали самые смелые и сильные юноши. Было в обычае уносить горящие поленья из костра чужого квартала или селения. Это считалось геройством для утешившего и его квартала или селения и позором для потерявшего часть «своего огня». На этой почве возникали драки среди детей и молодежи. О драках, которыми мальчишки-лаки провожали зиму и встречали весну, писал Абдулла Омар-оглы³. В лезгинском селении Аных Кусарского района Азербайджанской ССР нам рассказали, что лет 60—70 назад

¹ Н. К а л а ш е в, Местечко Сальяны, Джевадского уезда, Бакинской губ., «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» (СМОМПК), вып. 5, Тифлис, 1886.

² Н. Д у б р о в и н, История войны и владычества русских на Кавказе, т. I, кн. I, СПб., 1871, стр. 529.

³ А. О м а р - о г л ы, Как живут лаки, «Сборник сведений о кавказских горцах», (ССКГ), вып. III и IV, Тифлис, 1870.

в ночь на 22 марта из с. Джагар, соседнего с с. Аных, пришел юноша, по имени Намет. Он схватил из костра у мечети горящее полено и бросился бежать к своему селению. За ним побежал юноша из с. Аных, по имени Ибаг. Намет уже перешел речку и поднялся на гору другого берега. Ибаг сильно отстал и крикнул ему: «Намет, ты болен малярией?» Спрошенный ответил утвердительно. Тогда Ибаг бросился в погоню с новыми силами, поняв, что его противник, ослабленный болезнью, не может долго бежать. И действительно, вскоре Ибаг нагнал Намета, избил его, отнял полено и вернулся с победой в родное селение. Таким образом, Ибаг отстоял «честь» своего селения.

Мальчики и юноши прыгали через костры на улицах, проявляя свою храбрость и в то же время как бы «очищаясь» огнем. При этом приговаривали примерно следующее: «Пусть мои несчастья останутся здесь» или «Пусть буду смелым, как козел», или: «Да не приснится мне ничего плохого». Поскольку прыгали обычно через костер с какою-нибудь возвышения, то приговаривали и так: «Сам я вниз, а мои дрежи — вверх» (т. е. пусть они унесутся вместе с огнем) или: «Беды — вверх, а я — вниз».

Одновременно с зажиганием костров стреляли из ружей. Так же, по Н. Дубровину, встречали «новруз байрам» другие дагестанские горцы и азербайджанцы. Об азербайджанцах он писал: «Наступление навруза возвещали обыкновенно во всех концах города или селения ракетами или выстрелами»⁴. В некоторых селениях лезгин (Икра, Кабир Курахского района, Касумкент Касумкентского района) в эту ночь дети зажигали деревянные обручи и сбрасывали их палками под гору.

Вечером 21 марта дети ходили по селению и опускали в световые и дымовые отверстия крыши мешочки, сумки. Хозяйки клали им туда лакомства: семь орехов, семь сухих груш и т. п. Число «семь» вообще часто встречалось в обрядах лезгин, будучи результатом влияния ислама на доисламские верования. В данном случае предпочтительнее числа «семь» объясняют по легенде. Жил в одной местности в водоеме дракон «аждаха» с семью головами. Он не допускал людей к воде, и люди умирали от жажды. Шах этой земли объявил, что человек, который освободит страну от дракона, получит в жены шахскую дочь. Семь сыновей одного крестьянина взялись сделать это, но старшие шесть погибли, а дракон убил в день весеннего равноденствия самый младший, седьмой сын. В честь семи храбрецов якобы и подавались в этот праздник по семь штук каждого вида лакомства.

С утра 22 марта во многих лезгинских селениях устраивали ряжение. Группа молодых людей и мужчин наряжала двух человек в разное тряпье и маски с рогами (все как можно смешнее или страшнее) и в сопровождении зурначи и барабанщика обходили свой квартал, а то и все селение. Перед каждым домом ряженные затевали борьбу. Когда один из них падал, другой спрашивал: «Чего хочешь?» Упавший отвечал: «Яиц хочу». Хозяйка дома обычно выносила ряженным яйца, орехи, сушеные фрукты и другое традиционное угощение. После обхода квартала, селения собранные продукты делились между всеми участниками шествия, и начиналась игра в разбиение яиц (чье яйцо скорее разобьется при ударе о чужое, тот проигрывал).

В некоторых селениях в этот день устраивали шествие «яранских лисиц» («яран», как сказано выше, лезгинское название праздника нового года). Дети и молодежь (мужчины) одевали одного из участников в вывернутую мехом вверх шубу. Ряженный изображал лисицу. «Лисица» подходила к каждому дому и под песни, музыку, шум сопровождающей толпы ложилась на землю и требовала у хозяев каких-нибудь лакомств, которые затем также делились поровну между всеми участвовавшими в шествии.

22 марта надевали новое платье, «чтобы целый год быть в новом». Днем готовили кушанье «гит» из разваренных пшеничных зерен с грецкими орехами и бараньими и коровьими ножками, заготовленными (проявленными) еще с осени. Кушанье готовили в надежде «обеспечить» хороший урожай; насколько увеличится в объеме разваренные пшеничные зерна, настолько должен быть велик урожай по сравнению с посевным зерном. Е. М. Шиллинг связывал обычай приготовления этого кушанья с культом «святого Хызра»⁵, культом воды, ярко выраженным у азербайджанцев и имеющим отголоски у соседних им лезгин. В этот период старались не готовить кушаний из сушеных или жареных зерен, «чтобы урожай не уменьшился», так как сжимаются сушеные зерна (вообще же поджаренные пшеничные зерна — распространенное у лезгин, азербайджанцев и других народов Кавказа лакомство).

Добавлением к комплексу «яран сувар» служит мусульманская легенда о занятии четвертым имамом Али в этот день халифского престола. Таков комплекс празднеств нового года и начала весны по лезгинскому народному календарю. Последние случаи празднования «яран сувар» относятся к концу 1920-х — началу 1930-х годов нашего века. Но в виде детской забавы и игр молодежи, связанных с комплексом «яран сувар», празднество сохранилось дольше, вплоть до Великой Отечественной войны.

22 марта начиналась, по календарю, весна и более короткий период в составе ее под названием «яр». Длился этот период 15 дней — с 22 марта по 7 апреля. В это время начинали расчищать оросительные каналы и канавы в садах, подрезать деревья

⁴ Н. Дубровин, Указ. раб., т. I, кн. 1, стр. 529.

⁵ Материалы Е. М. Шиллинга, Архив Ин-та этнографии АН СССР.

в низменных местах приступали к вспашке под яровые, в более высокогорных селениях готовились к весенней вспашке.

В связи с этим периодом года уместно остановиться на цикле праздника «первого выхода плуга», известного во всем горном Дагестане⁶. У лезгин этот обряд прослеживается в неяркой, неразбитой форме. Обычно весь обряд заключался в угощении, которое устраивал для самых уважаемых стариков наиболее зажиточный крестьянин накануне первого дня пахоты. Часто угощение накануне пахоты устраивалось у «пира» (почитаемая «священная» могила, дерево, родник и т. п.) или на кладбище. Первую борозду в поле проводил устраивавший угощение крестьянин. Год назывался именем первого, начинающего пахоту. Если год бывал удачным, то давший ему имя и начавший первым пахать человек считался угодным богу, и наоборот. В некоторых селениях первым пахарем нередко из года в год бывал один и тот же человек, обычно из зажиточных селян. Здесь следует отметить вращение древних представлений в новые социально-экономические отношения. В выборе первого пахаря играли роль соображения о его «удачливости», а с другой стороны, учитывалось его имущественное положение. Экономический фактор играл, таким образом, определенную роль в обряде, влияя на древние верования.

В этот же период в наиболее теплых местах начинался сев ранних яровых культур. Существовал обряд первого сева (как весеннего, так равно и осеннего). При начале сева каждая хозяйка брала с собою чурек (хлеб в виде нетолстой лепешки) и отдавала его первому встретившемуся человеку. В некоторых селениях обычай выбирать начинателя, угощавшего уважаемых стариков селения и дававшего свое имя году, относился именно к периоду сева.

Перед посевом, помимо приготовления специального кушанья из вареной пшеницы, каждый крестьянин проделывал такой «опыт»: опускал все пять пальцев правой руки в землю, выкапывая в ней ямки, куда затем кидал зерна. Если через некоторое время, достаточное для всхода ростка, в каком-нибудь из углублений не показывалось всхода, то палец, которым было проделано данное отверстие, считался «неугодным» богу, и при севе крестьянин завязывал этот палец, чтобы он не касался семян.

В это же время повязывали на хвосты крупного рогатого скота красную шерстяную нитку, «чтобы весь год скоту не причинялось вреда — чиле».

Второй период весны (7—22 апреля) назывался по народному календарю «эльхен-гельхен, алквар-далквар». Значения этих слов уже не понятны в народе. В это время, если стояла хорошая погода, начинали пахать и в более высоко расположенных селениях. В огородах сажали картофель, с тех пор как здесь узнали эту культуру, и тыкву. В садах продолжали уборку, расчистку, поливку деревьев. В животноводстве это было самое тяжелое время: корма уже не оставалось, а трава еще недостаточно подрастала на пастбищах.

Третий период — «уругун-туругун» — длился с 22 апреля по 7 мая. Высеивали просо, кукурузу, проводили прививку фруктовых деревьев; деревья начинали цвести. Скот выгоняли на летние пастбища.

Четвертый период — «ц иг» (7—22 мая) — считался серединой весны, дождливым временем. Сеяли кукурузу, бобовые, сажали в огородах капусту, огурцы, помидоры. В низменных местах северного Азербайджана лезгины проводили вспашку под рис. Деревья в садах покрывались листвою.

Пятый период — «чjem» — длился с 22 мая по 7 июня. В это время сеяли рис.

Шестым периодом — «ракъар» («рагъ» — лезг. солнце, множ. ч. «ракъар»), с 7 по 22 июня, заканчивалась весна. В это время пропахивали поля и начинался сенокос, в садах поспевала черешня.

Первый летний период — «ракъар»⁷ начинался со дня летнего солнцестояния — 22 июня и длился по 7 июля. День летнего солнцестояния никак не отмечался, лишь существовало поверье, что в ночь на 22 июня вода в реках останавливается, «засыпает» на 5—10 минут, и кто из людей уследит этот момент, тому «бог пошлет все, что пожелает человек». В это время в сельском хозяйстве кончался сенокос, начиналась жатва. Черешня к этому времени была уже зрелой. В связи с этим устраивали праздник под названием «кару». Он описан в начале нашего века⁸, а отголоски его сохранились до наших дней. Устраивали праздник в конце июня — начале июля, начало его приурочивали к базарному дню. К этому дню в наиболее богатые черешневыми садами селения Касумкентского района съезжались целыми семьями жители других лезгинских селений. В садах каждая семья покупала на время праздника черешневое дерево, вернее плоды черешни на корню, или несколько деревьев, а то и весь сад, смотря по имущественному положению покупателя. Несколько дней жили в саду, пользуясь плодами черешни с купленного дерева. В течение праздника устраивали скачки, состязания в пении, плясках, ловкости, силе. Отношения между юношами и девуш-

⁶ Г. Ф. Чурсин, Праздник «выхода плуга» у горских народов Дагестана, «Изв. Кавказского историко-археологического ин-та», т. V, Тифлис, 1927; Ю. В. Иванова, Пережитки сельскохозяйственных культов у народов Центрального и Западного Дагестана, М., 1948. Рукопись.

⁷ В течение каждого следующего времени года будут повторяться многие из периодов весны, но не всегда в том же порядке.

⁸ А. Золотухин, Черешневый праздник, газ. «Северный Кавказ», 1901, № 86.

ками во время праздника были очень свободными. В дореволюционное время богачи приезжали на праздник, хвастаясь друг перед другом прекрасными конями, дорогим оружием в серебре, папахами, черкесками. Нередко праздник кончался ссорами, драками.

Черешневый праздник оказался довольно живучим, его праздновали и в советское время, устраивая традиционное летнее гулянье в черешневых садах. В послевоенные годы его также отмечали, и только к концу 1940-х и особенно в 1950-е годы черешневый праздник перестали отмечать. Коллективное сельское хозяйство требует в это время много внимания, поэтому не остается времени на многодневное празднество. С другой стороны, советские праздники и знаменательные даты, приходящиеся на лето, все больше заменяют собой старые празднества.

К началу лета относятся также праздник сбора съедобной зелени и трав для нужд домашнего хозяйства. В пищевом рационе лезгин играют большую роль дикорастущая зелень, листья и плоды кустарников. Они идут в начинку пирогов, на приготовление напитков, служат приправой к мясным и прочим блюдам.

Сбор дикорастущих трав проводился в виде праздника сбора цветов, носившего вплоть до 30-х—40-х годов нашего века черты некоторых древних отношений. Наиболее полно изучен праздник сбора цветов в с. Ахты одноименного района. О нем имеются сведения и в литературе⁹, и в рукописных материалах руководителя Дагестанской экспедиции Е. М. Шиллинга, и члена этой экспедиции И. Д. Старцевой.

По-лезгински праздник цветов — «Цуьквер сувар» или «Цуькверун сувар» («цуьк» — цветок, «сувар» — праздник). Руководил всем праздником выборный «шах» — наиболее предприимчивый и веселый мужчина. Для похода в горы за цветами и зеленью назначали определенный день. К этому времени все участники похода готовили себе нарядную одежду, обувь, а также продовольствие. С вечера зурнач и барабанщик, исполняя веселые мелодии, собирали людей. Около полуночи собравшиеся покидали селение и шли в горы — большею частью в местность около с. Джебе. Приходили туда на рассвете. Сначала немного отдыхали, потом начинались танцы, пение, состязания юношей в беге, прыжках, лазании по горам. Девушки дарили победителям носки, кистеты собственной работы. В свою очередь девушки устраивали состязания между собою. Организатором их обычно бывала молодая замужняя женщина.

Основным развлечением на этом празднике были совместные игры юношей и девушек, а также танцы. Самыми распространенными играми были «лам сухар» (ишачий наездник), «мулла гьарай» (крик «мулла»), «кьабах» (тыква). Во всех этих играх участники делились на две равные группы. В первой игре участники водящей группы выстраивались один за другим, согнувшись, держа руки на спине у переднего соседа. Каждый человек из другой группы должен был пропрыгать по спинам людей из первой партии, ни разу не упав, в противном случае группы менялись местами. Если же падал кто-либо из водящей группы, то вся она «водила» еще раз. Во второй игре водящая группа выбирала себе вожака — «муллу». Он усаживал участников своей партии в одном месте, а сам отправлялся разыскивать спрятавшихся членов другой группы. В это время кто-нибудь из спрятавшейся компании выскакивал из своего убежища и начинал бить своих «противников», не имевших права защищаться. Избиваемые звали своего «муллу», и он должен был догнать и дотронуться рукой до человека противной партии; тогда роли партий менялись. Наконец, в третьей игре одна из двух партий пряталась, а другая ее разыскивала. Прятались очень тщательно, в укромных местах и обычно юноша с девушкой вдвоем. После того как всех спрятавшихся разыщут, роли партий снова менялись.

Кроме игр и танцев, в этот день занимались сбором цветов для своего украшения, а также зелени для начинки пирогов — крапивы, шавеля, черемши.

Лет 50—100 и более назад такой праздник длился трое суток; в последнее время, с конца 20-х — начала 30-х годов нашего века с гор домой возвращались к вечеру первого дня. Около селения или уже в самом селении молодежь встречали пожилые и старые мужчины и женщины. Им отдавали цветы, принесенные с гор, и снова начинались танцы уже на площади селения, специально для этого украшенной зелеными деревьями. Вечером этого дня девушки и юноши собирались порознь и делились впечатлениями похода в горы. Поскольку поход в горы за цветами в дореволюционное время и в первые послереволюционные годы был одним из самых ярких эпизодов в развлечении молодежи, то впечатлений о нем бывало много. Помимо похода в горы, юноши могли видеться с девушками лишь на некоторых полевых работах и у водоемов, да и то при этом не было свободы общения.

Кроме с. Ахты, праздник цветов устраивали и другие лезгинские селения, среди них горные селения Филя и Усухай бывшего Докузпаринского района, Курах и Кабир Курахского района, а также лезгинское селение Гиль в Азербайджане, расположенное на низменности. Молодежь из с. Гиль ходила за зеленью и цветами в начале лета в местность Мюшкур на побережье Каспийского моря, где находились зимние пастбища этого селения. Распорядителем праздника у них был «бакаул».

В с. Кабир Курахского района в походе за ветками для венков участвовали только женщины и девушки. При встрече с мужчинами, особенно из чужих и даль-

⁹ «Поездки г. Беккера по южному Дагестану», ССКГ, вып. 9, Тифлис, 1876.

них селений, они позволяли себе очень вольное обращение с ними. Наш информатор из с. Касумкент, преподаватель средней школы, рассказывал, как однажды он встретился с такой компанией женщин в 1910—1912 гг. Во главе женщины были две запелавы, одна из них руководила походом. Все были празднично одеты и весело настроены. Преподавателя заставили сойти с лошади, со смехом и прибаутками обыскали, затем заставили танцевать, и он считал, что еще счастливо отделался.

Подобные сведения наводят на мысль о пережитках в этих обрядах древнего обычая вольного общения полов, впоследствии запрещенного исламом. Такая «смелость» женщин не может быть объяснена внешними влияниями, разрушившими древние дагестанские традиции. По мере формирования новой морали черты «вольности» в данном обряде исчезали. В послереволюционное время следы свободы общения полов уже не обнаруживаются, хотя положение женщины как раз именно в это время кардинальным образом изменилось в сторону полного равенства.

Второй летний период — «хыб» (7—22 июля). В это время жали хлеба и начинали молотбы.

В третий период лета — «чиш» (22 июля — 7 августа) продолжались те же работы. Четвертый период — «циг» (7—22 августа) считался серединой лета. В это время была самая горячая пора молотбы. Кто не успевал обмолотить за этот период свой хлеб, тот считался лодырем. После 22 августа молотить было уже труднее, так как от выпадавшей по ночам росы снопы сырели.

В течение пятого летнего периода — «ч|ем» (22 августа — 7 сентября) готовились к осенней вспашке полей, в горных районах начинали пахать.

Шестой и последний период лета — «кьюгъвер» (7—22 сентября) — период осенней пахоты в предгорьях и на низменности. В горных районах в это время уже сеяли, чтобы успеть закончить до выпадения снега в горах.

Материалы по проведению в прошлом праздника сбора урожая говорят о том, что цикл праздника не сохранился достаточно отчетливо в памяти народа. Нам известно только устройство праздничного обеда в доме каждого хозяина. Шинты никогда не ели свой хлеб из нового урожая первыми, а обязательно сначала угощали посторонних, особенно бедных. Следует обратить внимание на то, что при наличии яркого комплекса весенних празднеств возрождения и обновления природы в лезгинском народном календаре праздник сбора урожая выглядит приглушенным.

Осень начиналась периодом «кьюгъвер» (22 сентября по 7 октября). В этот период заканчивалась осенняя пахота и начинался осенний сев в более низменных местах. День осеннего равноденствия — 22 сентября — никак не отмечался.

Во второй осенний период — «хыб» (7—22 октября) продолжался сев. Эта же основная сельскохозяйственная работа продолжалась и в третий период осени — «чиш» (22 октября — 7 ноября). Однако в течение его первых трех дней сева не производили из боязни, что «будет плохой урожай». Причина этого запрета осталась для нас невыясненной. В четвертый период осени — «ц|иг» (7—22 ноября) продолжали сев, готовились к зиме, в частности молотли муку.

Во время пятого осеннего периода — «ч|ем» (22 ноября — 7 декабря) подрезали молодые деревья в садах. Наконец, шестым периодом — «ракъар» (7—22 декабря) осень кончалась, и с периода такого же названия начиналась зима.

Начало зимы — 22 декабря, день зимнего солнцестояния, в народе особенно не отмечался, лишь у охотников был ряд примет, связанных с этим днем. Во второй период зимы — «ч|ем» (7—22 января) в сельском хозяйстве прекращались все работы, так как это было самое холодное время года. Люди занимались домашними работами. То же относится и к третьему зимнему периоду — «ц|иг» (22 января — 7 февраля). В четвертый период — «чиш» (7—22 февраля) обычно мороз несколько спадал, и начинались некоторые работы вне дома, например, ездили за дровами и т. д. В этот период начинался окот овец породы «гуьдек».

В пятый период зимы — «хыб» (22 февраля — 7 марта) начинались более интенсивные работы в сельском хозяйстве — прививка черешневых деревьев, подрезка остатков деревьев в садах, вспашка земли под ранние яровые культуры. В это время происходил окот овец породы «цирав», в связи с чем скотоводы готовили описанное выше кушанье «гит», которое считали магически «содействующим» размножению овец.

В шестой период зимы и последний период года — «кьюгъвер» (7—22 марта) начинали пахоту под яровые культуры. В связи с этим была известна пословица: «Кьюгъвериз вадринедин цаг тахайдаз лежбер лугудаг» (Кто не вспашет 5 земельных мер в период кьюгъвер, тот не крестьянин). В этот период чистили, а кое-где и поливали сады. С этого времени сенокосные угодья огораживали от скота. Шестым зимним периодом заканчивался сельскохозяйственный год.

В лезгинском народном календаре мы видим прежде всего его практическую направленность. Это было выработанное практикой рациональное (в меру развития знаний) руководство, служащее этой же практике. Этим и объясняется, что календарь сохранился в памяти народа, хотя, надо сказать, только среди старшего поколения. Люди молодого и среднего возраста в своем коллективном хозяйстве руководствуются теперь обычно современными агротехническими знаниями.

Помимо чисто практического элемента, в календаре прослеживаются отголоски древнейших верований. Начало года в день весеннего равноденствия 22 марта, в день пробуждения, обновления природы, и устройство празднования в это время связывают

лезгинский народный календарь с зороастрийским циклом религиозных верований. Большое место в празднике отводилось огню, в древнем представлении тесно связанному с солнцем. Так, зажженные деревянные кольца олицетворяли собой солнце. Как объяснить обычай «воровать» огонь? Мы думаем, этот обряд указывает на глубокую древность, когда огонь считался приносящим или содержащим в себе благополучие, счастье, поэтому «нехорошо» потерять частицу «своего» огня (огня из своего квартала, первоначально, вероятно, занятого родовым коллективом, или из своего селения) и, наоборот, «хорошо» поживиться этой благодатью за счет «чужого» квартала, селения. Понятие «очистительной» роли огня проявлялось в обычае перепрыгивать через костер на празднике «яран сувар».

Почитание огня у лезгин существовало и в других формах. Так, на горе Ярдаг, вблизи переселенного теперь на низменность селения Куруш бывшего Докузпаринского района, и у селения Лаза Кусарского района Азербайджанской ССР наблюдаются «никем не зажигаемые огни». Теперь всем хорошо известно, что это горит природный газ, выходящий на поверхность земли, раньше же считали эти огни «священными». На этом огне можно было приготовить пищу, вскипятить воду, но добытую нечестным путем пищу здесь запрещалось готовить под страхом «небесной кары». О курушском огне существовала легенда. Один пастух обещал, что если на будущий год, когда он снова придет со стадом на это место, огонь все еще будет гореть, он принесет в жертву семь баранов. На следующий год, когда пастух пригнал стадо на гору Ярдаг, огонь по-прежнему горел, но пастух вместо обещанных баранов бросил в огонь семь вшей. За это «бог» наказал его: и сам пастух и его стадо окаменели. До сих пор указывают россыпь камней, представляющих собой якобы окаменевшее стадо и пастуха.

На примере почитания «никем не зажигаемых огней» обнаруживаются основы сгипотичания: огонь почитается до тех пор и постольку, пока и поскольку невежественный ум не может объяснить это явление. Как только с распространением естественно-научных знаний стало понятным явление горящих природных газов, исчезло и почитание «никем не зажигаемых огней».

Поскольку огонь считался олицетворением богатства и счастья в доме, в прошлом ни одна хозяйка не дала бы огня из своего дома в вечернее время: с утра считалось возможным дать огонь из своего очага, так как эта «убыль» за день будет восстановлена. Уголек с очага считали способным отогнать «нечистую силу», отвести «дурной глаз».

Описанный культ огня возник, как мы думаем, на местной почве, тесно связанной с иранским культурным миром, в частности, с иранским зороастризмом. Сказывались, несомненно, и местные природные условия — наличие горячих газов. Легенда о происхождении праздника «яран сувар» дает как бы схематическую картину развития религиозных представлений от человеческих жертвоприношений к поклонению солнцу и огню. Как сообщает Страбон¹⁰, древним кавказским албанцам были известны человеческие жертвоприношения наряду с астральным культом. А территория современного расселения лезгин, очевидно, входит в состав земель древнекавказской Албании.

Укажем на связь комплекса празднеств «яран сувар» с образом дракона «аждаха», по старым представлениям «жившего в воде». Подчеркнем также исключительную роль мужской части населения в этом празднике: костры зажигали самые смелые и ловкие юноши, прыгали через костры, как правило, тоже молодые мужчины и юноши, устраивали ряженые они же.

Отголоски обрядов первой пахоты, первого сева, окончания уборки урожая являлись пережитком комплекса земледельческих обрядов с умилостивительным культом и еще более ранним слоем — магическими приемами. Умилостивительный культ проявлялся в «опыте» крестьян, когда «неудобный зернам» палец на руке завязывался, чтобы он не касался семян. Второй слой, более ранний по происхождению, можно видеть в приготовлении кушанья «гит» из разваренных, разбухших зерен пшеницы и бараньих или коровьих ног и стремлении не готовить в период сева кушанья с сухеными, жареными зернами.

В обычае мусульман-шинитов угощать первым хлебом из нового урожая посторонних проявлялся, возможно, пережиток общеродового или общесельского праздника по поводу окончания уборки урожая, от которого, как об общесельском празднике у лакцев, одного из народов Дагестана, писал С. И. Габиев¹¹. Праздник поспевшей черешни включал в себя, вероятно, в образе отягощенного плодами дерева культ плодородия; такой же характер, нам представляется, имели состязания, в которых проявлялся избыток сил, а также обычай вольного общения полов как в черешневом празднике, так и в празднике сбора цветов и трав.

Арханческие представления и обряды, связанные с лезгинским народным сельскохозяйственным календарем, в 1940-х годах еще сохранялись в памяти старейших жителей лезгинских селений. Смысла их почти не знало население среднего возраста, совсем не знала молодежь. Характерно, что даже среди людей, помнивших смысл этих обрядов, многие воспринимали их уже только как курьез, либо как лишенный определенного значения ритуал или игровой комплекс.

¹⁰ Страбон, География в 17 книгах, М., 1879.

¹¹ С. Габиев, Лаки. Их прошлое и быт, СМОМПК, вып. 36, Тифлис, 1906.